

Изощренная маскировка

Законопослушные инвесторы финансируют экологические преступления. Их прибыль должна стать объектом борьбы с отмыванием денег.

Возможно, вы не догадываетесь, какая именно глобальная криминальная деятельность является одной из наиболее прибыльных. Вот эти преступления: незаконное рыболовство и вырубка лесов, нелегальный экспорт мусора и торговля объектами дикой природы. Финансовый сектор пожинает колоссальные плоды от этих атак на окружающую природу, от которой мы все зависим.

Трудно переоценить ущерб, наносимый экологическими преступлениями. Разрушая экосистемы и истощая природные активы, эти преступления уничтожают источники существования людей, подрывают государственные институты, мешают нам бороться с изменением климата.

Как отмечается в новом докладе, подготовленном организацией «Финансовый сектор за биоразнообразие» (F4B), подобные преступления приносят до \$280 млрд в год и снижают налоговые доходы примерно на \$30 млрд ежегодно, при этом больше всего страдают бедные страны, обладающие богатой природой. Финансовые организации стимулируют эту деятельность (зачастую непреднамеренно), инвестируя в предприятия, которым выгодны подобные преступления. Получая прибыль от таких инвестиций, эти организации фактически отмывают выручку от экологических преступлений.

Правила борьбы с отмыванием денег призваны предотвращать конвертацию выручки от незаконной деятельности в «чистые» деньги. Например, ужесточение правил и правоохранительной деятельности в последние годы затруднило финансирование терроризма. Но неадекватность информации и недостатки технологий мешают этой работе: регуляторы с трудом поспевают за все более изощренными способами маскировки происхождения средств.

*Больше всего страдают
бедные страны,
обладающие богатой
природой*

В случае с экологическими преступлениями правила борьбы с отмыванием денег применяются особенно вяло. Надо признать, что Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) – межправительственное агентство, которому поручено бороться с отмыванием денег и финансированием терроризма – повышает свою роль в этой области. Но сколь-либо значимые действия в основном ограничиваются незаконной торговлей объектами дикой природы. Эта преступная деятельность негативно влияет на тысячи видов диких животных и растений, а также на миллионы людей, но это лишь малая часть более широкой проблемы.

Впрочем, даже если бы существующие правила борьбы с отмыванием денег применялись к более широкому спектру экологических преступлений, этого все равно было бы недостаточно. Как показано в докладе F4B, прибыль от инвестиций, полученная благодаря экологическим преступлениям, тоже должна стать объектом борьбы с отмыванием денег и соответствующих правил.

Финансовые учреждения, в том числе пенсионные фонды, не просто открывают каналы, через которые нарушители, совершающие экологические преступления, отмывают свои прибыли. Они инвестируют в отрасли, зависящие от природы, например, пищевую, лесную, инфраструктурную, а прибыльность таких отраслей можно повышать с помощью экологических преступлений. Например, с помощью незаконной вырубki лесов можно расширять площади земель для сельхозпроизводства, что позволяет снижать затраты, увеличивать объемы производства, повышать качество. Результатом таких действий становится рост прибылей у бизнеса – и увеличение отдачи от вложенных средств у инвесторов. Технически такие инвестиции могут быть вполне легальны, но частичным источником полученного дохода является криминальная деятельность, а это равнозначно незаконным доходам, которые должны соответствующим образом регулироваться.

*Прибыль от
инвестиций, полученная
благодаря экологическим
преступлениям, тоже*

В теории у финансовых организаций уже есть стимулы не поддерживать бизнес, которому выгодны экологические преступления. Подобным фирмам грозят штрафы или даже принудительное прекращение части

*должна стать объектом
борьбы с отмыванием
денег и
соответствующих
правил*

деятельности, поэтому для инвесторов такие вложения оказываются более рискованными. Но в реальности подобные риски слишком малы, чтобы эффективно сдерживать инвесторов. В большинстве случаев законы об охране природы плохо соблюдаются, а назначаемые штрафы обычно невелики.

Впрочем, если инвесторов не сдерживают кредитные риски, тогда, возможно, их сдержат возросшие риски для репутации. Благодаря проведению хорошо продуманных публичных кампаний, которые опираются на данные и объясняют связь между инвестициями и конкретными экологическими преступлениями, у финансовых организаций повысится уязвимость перед общественным недовольством их деструктивными инвестициями. Здесь полезно вспомнить, что вскоре вступят в силу новые обязательные требования предварительной экологической оценки (в первую очередь при вырубке лесов) в некоторых ключевых юрисдикциях, в том числе в Евросоюзе и Великобритании. В Бразилии, где очень частые экологические преступления приводят к серьезным негативным последствиям на глобальном уровне, центральный банк уже начал включать в правила финансового регулирования социальные, экологические и климатические факторы.

Благодаря улучшению раскрытия информации будет расти количество судебных дел, начатых в общественных интересах и связанных с экологическими преступлениями. Судебные процессы, касающиеся климата, уже начинают приносить определенные успехи; они опираются на длительную историю правовых действий против компаний, соучаствующих в незаконной деятельности внутри своих производственных цепочек.

Впрочем, все это не отменяет необходимости в более решительных действиях правительств, начиная с более широкого применения (и ужесточения контроля за соблюдением) правил борьбы с отмыванием денег. К сожалению, сохраняются высокие барьеры на пути прогресса, в частности, трудно выявлять незаконные финансовые потоки, связанные с экологическими преступлениями, особенно в тех случаях, когда они смешиваются с «чистыми» финансовыми потоками.

Кроме того, правоприменение зависит от национальных регуляторов, а их ресурсы и возможности широко варьируются. Зачастую от регуляторов требуют, чтобы они не создавали излишнее бремя, способное сделать их юрисдикцию менее привлекательной

для финансовых организаций или вызвать краткосрочные последствия для развития, негативно влияющие на источники существования местных жителей и их сообщества.

Коллективные действия помогли бы преодолеть эти барьеры, но они неизбежно будут медлительными, а их результаты обычно консервативны. Именно поэтому F4B рекомендует разработать целевые механизмы, опираясь на опыт механизмов, созданных для устранения из производственных цепочек такого зла, как рабство и коррупция. Например, процесс Кимберли – международная инициатива с множеством различных участников, призванная повысить прозрачность в алмазной отрасли – помог сократить торговлю так называемыми «кровавыми алмазами».

Финансовому сообществу было бы полезно выбрать такой подход. Выступая за начало процесса с участием множества стейкхолдеров, помогающего им выполнить обязательство избавить свои инвестпортфели от связей с экологическими преступлениями, участники финансового сектора смогли бы уменьшить репутационные и судебные риски и содействовать улучшению качества регулирования. Поддержка экологически преступной деятельности, извлечение из нее прибылей, а в конечном итоге содействие ее продолжению, наверное, являются неумышленными в большинстве случаев. Но когда речь идет о защите людей и планеты, важно, какие именно действия совершаются.

(c) Project Syndicate 2022

Саймон Задек

Саймон Задек (Simon Zadek) – писатель и консультант по вопросам бизнеса и устойчивого развития, исполнительный директор NatureFinance.

